

ФЕНОМЕН ФЕОДАЛИЗМА

Автор: Л. С. ВАСИЛЬЕВ

(НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ПРОБЛЕМУ)

О феодализме как социально-экономическом понятии и как историческом этапе в отечественной историографии написано очень много, поэтому нет смысла вступать в спор по поводу привычной марксистской трактовки этого явления. Альтернативой представляется изложение своего взгляда на проблему, который, естественно, необходимо сопроводить системой аргументов. Но для начала все-таки важно сказать хотя бы несколько слов о том, как воспринимается феодализм в современной, прежде всего отечественной, историографии.

Суть проблемы

Еще во второй половине XX в. в отечественном обществоведении не было сомнений, что феодализм в *марксистской* его интерпретации (любая иная отсекалась как неверная) - это определенная социально-экономическая формация. Феодализм занимал место в череде пяти формаций после рабовладения и перед капитализмом, а его сущность интерпретировалась как совокупность производственных отношений, сводившихся к эксплуатации подневольного крестьянства привилегированной знатью, занимавшей в феодальном государстве место наверху иерархической лестницы. Иногда при этом упоминалось о некоторых *вторичных* с точки зрения марксизма политических и культурных признаках феодализма, каковыми считались междоусобные войны и рыцарская этика, привилегии аристократии и часто - хотя далеко не всегда - слабость и неустойчивость королевской власти. Наиболее четко эта позиция отражена в многоотомной "Всемирной истории" и "Советской исторической энциклопедии" (см. [Всемирная... 1955 - 1965; Феодализм... 1974]). В отечественном обществоведении это представление встречается и поныне: достаточно бегло взглянуть на выходящую историческую литературу (см., в частности, [Семенов, 2003, с. 127, 466]) или на различные справки в Интернете по феодализму и Средневековью.

Что касается *немарксистских* представлений о феодализме, то их характеризует повышенное внимание к социально-политической системе и культурной традиции: наличию системы феодалов (ленов, бенефициев, вотчин, поместий и т.п.), а также сложных и неоднозначных вассально-территориальных связей, крепость которых зависела от силы центральной власти. Изучается иерархическая лестница титулованных властителей, феодальные междоусобицы знати, рыцарские доблести и турниры, система ритуалов и этических норм. Важным считается подневольное положение значительной части крестьян

В а с и л ь е в Леонид Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Государственного университета - Высшей школы экономики.

и существование вольных городов, противостоявших феодалам и искавших защиты у королей, которые покровительствовали им не без выгоды для себя. Поскольку феодализм чаще всего исследовали на примере средневековой Западной Европы, то учитывалась и роль католической церкви, иерархи которой входили в число феодалов¹.

Словом, разница между марксистским и всеми остальными оценками феодализма как феномена сводится в конечном счете к *проблеме формаций*, которая с позиций сегодняшнего дня вообще не заслуживает серьезного внимания. Более того, именно стремление обосновать отказ от этой теории - хотя и не только это - послужило причиной появления на свет данной статьи.

Особо стоит обратить внимание на вопрос о *феодализме в странах Востока*, где многое выглядело иначе, особенно в период расцвета европейского Средневековья (XI-XIII вв.), который с марксистской точки зрения должен соответствовать эпохе господства феодальной формации в мировой истории. Впрочем, немарксистских исследователей, особенно профессионалов-востоковедов, это несоответствие обычно не смущало. В тех случаях, когда феодализм как социально-политическая система (прежде всего, членение государства на королевский домен и феодалы владетельной знати - знак свидетельства слабости центральной власти) реально мог быть зафиксирован, они, независимо от исторического времени ее существования, именовали эту систему феодальной [Feudalism... 1956]. И были, в общем-то, правы. Но остается важный вопрос о том, как все-таки выглядел феодализм в странах Востока и чем он отличался - если отличался - от столь хорошо известного западноевропейского средневекового феодального общества, воспринимаемого в историографической традиции в качестве эталона.

К этому вопросу необходимо добавить еще один, тесно с ним связанный. Имеет ли феодализм как феномен какую-то *связь со Средневековьем* или эта связь лишь случайно оказалась в центре внимания мировой историографии, знакомой с западноевропейским историческим процессом много лучше, чем с традиционным Востоком, многообразным и просуществовавшим длительное время. Уже из самой постановки обоих вопросов вытекает, что проблема феодализма может оказаться гораздо более сложной, нежели это привычно представляется многим специалистам-обществоведам. Теперь обращусь к аргументам, которые дают основание предложить принципиально иную, новую концепцию феодализма.

Для этого сначала необходимо понять, как, когда и почему в Западной Европе появилась феодальная социально-политическая система. Известно, что полукочевые этнические общности, которые вели полупервобытное существование в степях Восточной Евразии, примерно в IV-V вв. в ходе Великого переселения народов способствовали крушению находившейся в состоянии кризиса, стагнации и даже агонии Западной Римской империи. Осев на территории рухнувшей империи, заселенной римскими переселенцами-колонистами, они оказались под влиянием высокой культуры, традиции которой вели к интенсификации у них процесса политогенеза. В ходе тесно связанной с этим процессом трибализации возникали структурированные племена во главе с вождями. Племенные структуры, в свою очередь, быстрыми темпами трансформировались в так называемые варварские королевства.

Государственные образования такого рода, столь *типичные для ранней истории Востока* (это важно сразу же подчеркнуть), были лишены сколько-нибудь развитой административно-бюрократической управленческой основы, которая в ближневосточной древности обычно формировалась медленными темпами, что особенно хорошо видно на примере Шумера и наследовавших ему государственных образований Двуречья. Процесс мог несколько ускориться лишь тогда, когда этого требовали серьезные объективные обстоятельства (в Египте - необходимость создания ирригационной системы).

¹ Более подробно это можно узнать по работам ученых, имеющих отношение к знаменитой французской школе "Анналов". Представители этой школы пользуются заслуженным уважением среди профессионалов-историков во всем мире [Ле Гофф, 1992].

Лишь иногда случалось так, что чересчур большая территория оказывалась после успешной войны под управлением небольшого и сравнительно отсталого племенного протогосударственного образования, на плечи которого выпадала *непосильная* для него обязанность наладить управление ею, как то было в раннечжоуском Китае. Единственным выходом из такого рода ситуации становилось создание феодально-удельной социально-политической системы, в рамках которой каждый из родственников или приближенных к правителю государства удельных властителей фактически оказывался хотя и зависимым от призрачного центра, но практически самостоятельным титулованным наследственным владельцем своего удела².

Таких случаев в истории ранних протогосударственных образований было, насколько можно судить, не слишком много. Правда, наши знания зависят от источниковедческой базы, имеющейся в распоряжении специалистов. В одних случаях отсутствие письменности вообще лишает возможности судить о том, как складывались отношения между племенными протогосударствами. В других, в частности в древней Индии, описанию исторических событий и ведению летописей уделялось крайне мало внимания, в силу чего практически невозможно узнать, были ли связаны взаимной зависимостью раннегосударственные образования, скажем, долины Ганга. Зато в раннесредневековой Западной Европе феодальные связи расцвели в тот период, который довольно хорошо известен по источникам.

Несколько веков европейской истории пришлось на то время, когда в варварских королевствах, практически незнакомых с чиновно-бюрократической администрацией, отсутствовала сильная централизованная власть. Это повлекло за собой (в точности по чжоускому стандарту, о котором в Европе того времени никто, скорее всего, не имел никакого представления) возникновение большого количества уделов, управлявшихся титулованной родней или приближенными королей. Эта титулованная знать на протяжении долгого времени - в Германии едва ли не до О. Бисмарка - в той либо иной форме наследственно владела своими уделами (бенефициями, феодами, со временем превратившимися в графства, герцогства, княжества и иные подобного типа владения).

Совпадение времени возникновения удельно-феодальной социально-политической системы в Западной Европе с ранним Средневековьем создало в умах многих историков - особенно тех, кто не знал неевропейской истории (а таких долгое время было подавляющее большинство), - представление о том, что феодализм как исторический феномен есть нечто, присущее именно Европе, прежде всего Западной Европе. Из этого был сделан вывод, будто бы феодализм - некое *порождение поверженной античности* и потому его следует считать феноменом, присущим в своей классической форме (если и не только и именно) Западу, то во всяком случае *прежде всего и преимущественно ему*.

А поскольку западноевропейская история была лучше всего исследована специалистами, то вся сложная и достаточно яркая, даже в чем-то красочная система социально-политических отношений в средневековой Европе стала восприниматься как норма. Именно на этом примере обстоятельно изучался весь комплекс отношений, присущих феодализму. И именно эта попытка взять за основу западную модель феодализма (в силу ее яркости, зрелой полноты и хорошей изученности) принесла немало вреда процессу изучения феодализма как всемирно-исторического явления, свойственного отнюдь не только средневековой Западной Европе. Более того, было искажено представление о причинах, порождающих феномен феодализма. А причины эти вовсе не были связаны с крушением Рима и не имели прямого отношения к исчезновению античности. Все было совершенно иначе, что в свете параллельного изучения структур Востока и Запада ныне оказывается абсолютно ясным.

² Подробно о феодализме и дефеодализации в чжоуском Китае (XI-III вв. до н.э.) см. [Васильев, 1995 - 2006].

Феодализм и Восток

Насколько сегодня наука вправе судить, феодализм следует считать результатом *отсутствия централизованной политической системы* с хорошо налаженным чиновно-бюрократическим аппаратом. Поэтому проблема, связанная с наличием либо отсутствием феодализма как феномена никоим образом не связана ни с античностью, ни вообще с европейским (западным) вариантом исторического процесса. Феодализм - это вневременное и даже внесистемное, то есть *необязательное* явление в истории мировой цивилизации. Он возникает, причем в различных модификациях, зависящих от множества разных обстоятельств, только тогда, когда почему-либо в укрупнившемся государственном образовании надолго задерживалось создание аппарата администрации. Когда оно шло много медленнее, чем политические процессы, следовавшие за успешными войнами. В такого рода условиях, которые были свойственны главным образом *ранним и чаще всего древним*, а потому примитивным государственным образованиям, управление большим рыхлым государством (коль скоро оно возникало) требовало альтернативной стратегии. Как раз в качестве такого рода политической альтернативы и возникал феномен феодализма.

Кроме чжоуского Китая и раннесредневековой Западной Европы, примерно так было в Киевской Руси. Нечто похожее знала и средневековая Япония, возможно и раннесредневековая (быть может, и древняя) доисламская Индия. Не исключено, что подобное можно встретить еще в некоторых ранних и слабо развитых государствах. В целом же идея кристально ясна: в истории человечества феодализм встречался не слишком часто и, главное, всегда выступал лишь в виде *вынужденной альтернативы* в тех государствах, где еще не возникла хоть сколько-нибудь развитая и упорядоченная *централизованная чиновничье-бюрократическая* администрация.

Однако дефиницией понятия и констатацией факта вневременного и внесистемного (необязательного) характера феодализма как феномена, равно как и тесной обратной связи этого феномена с централизованной администрацией проблема отнюдь не ограничивается. Напротив, с этого она лишь начинается. Надо еще найти корни феномена феодализма и попытаться определить его исторические взаимосвязи с процессом полито- и социогенеза в истории мировой цивилизации.

Взглянем на проблему в самом общем плане. Если феодализм как определенная совокупность социально-политических связей в наиболее полном и завершенном виде и к тому же достаточно длительное время просуществовал только в двух своих основных вариантах - чжоуском и западноевропейском - какой из них наиболее значим для сущностного анализа? Принято считать, что западноевропейский. Но можно поставить вопрос и иначе. Коль скоро легко видеть, что чжоуский вариант существовал раньше, имеет ли это хронологическое обстоятельство (особенно если принять, что феодализм как феномен - нечто вневременное и внесистемное) какое-либо значение с точки зрения всего мирового исторического процесса?

Древний Китай был классической древневосточной структурой, а раннефеодалная Западная Европа - чем-то средним между высокоразвитой античной и полупервобытной восточной структурой. Есть ли в этом очень существенном *фактическом* различии какой-либо серьезно значимый *смысле* Безусловно, есть. В обоих случаях (Киевскую Русь, Индию и Японию, как и возможные более слабо выраженные варианты того же явления, можно при этом оставить в стороне, но всегда необходимо иметь в виду) существовала - если даже не задавала тон - именно *восточная структура*.

Теперь твердо зафиксируем в сознании то важное обстоятельство, что все перечисленные в начале статьи и в общем-то хорошо известные, имманентные феодализму как феномену черты и признаки следует рассматривать прежде всего как некие параметры, свидетельствующие об отсутствии в данном обществе главного условия его стабильного существования, то есть сильного политического центра. Это важно не упускать из вида потому, что такого рода ситуация вовсе не нейтральна по отношению к базовой структуре традиционного восточного общества. Если нет сильного политического центра, то

характерные для традиционного Востока *институты власти-собственности и централизованной редиистрибуции ослабевают* и подчас вовсе перестают нормально функционировать. Что это за институты и почему их нормальная деятельность так важна для решения поставленной проблемы?

Вопрос о том, что структура традиционного Востока в принципе отличается от структуры антично-буржуазного Запада, обстоятельно рассмотрен в ряде моих трудов, которые получили за последние годы достаточно широкую известность³. Главный смысл различий в том, что на Востоке государство и развитый аппарат администрации сложились раньше, чем появилась частная собственность. Потому и эта разновидность собственности, сознательно оскопленная властью, и тесно связанные с ней рыночно-частнособственнические отношения оказались здесь чем-то вторичным и зависимым от аппарата администрации. Эта зависимость проявлялась, в частности, в том, что правитель и созданные им органы управления строго контролировали всех подданных, невзирая на их имущественное положение. Более того, чем богаче оказывался подданный (частный собственник), который не имел отношения к аппарату власти, тем в менее благоприятной обстановке он вынужден был существовать. Ни привилегий, ни гарантий, ни защиты со стороны закона он не имел. Существовал неприкрытый произвол администрации, воспринимавшей все достояние государства как свою собственность. В этом суть явления, характеризуемого предложенным мной термином *власть-собственность*.

Власть-собственность на традиционном Востоке, во многих случаях вплоть до сегодняшнего дня, была и остается системным феноменом. Она реализуется на разных уровнях чиновниками различного ранга, осуществляющими административное руководство порученным делом либо подведомственной им территориями. Этот восточный и довольно древний по происхождению, но широко распространенный и в наши дни процесс делегирования власти принято обозначать термином *централизованная редиистрибуция*. Он обозначает регулярное перераспределение собранных у населения излишков, а затем, по существу, и всего совокупного общественного продукта, возникшее еще в процессе раннего политогенеза, в эпоху складывания централизованного руководства разраставшимся обществом⁴.

Если институты власти-собственности и централизованной редиистрибуции в раннем обществе развивались даже не слишком быстрыми темпами, становление аппарата администрации (тесно связанного с темпами централизации процесса редиистрибуции) обычно успевало за тем, чтобы справляться с важнейшей задачей обеспечения подданных всем необходимым. Если не успевало, ситуация могла обостриться и привести то

³ Об этом, к сожалению, приходится напомнить. Дело в том, что Л. Алаев написал следующее: "Л. С. Васильев, обосновывая коренное отличие Востока от Западной Европы, придает большое значение институту "власти-собственности", который будто бы характеризует именно восточную систему эксплуатации. Однако термин "власть-собственность" появился в советской литературе впервые в работах А. Я. Гуревича, который подобным образом определил именно феодальную собственность в раннесредневековой Европе" [История... 1995, с. 617]. Это заявление, по моему мнению, не соответствует действительности. Во-первых, потому, что Гуревич, немало писавший и о власти, и о собственности в средневековой Европе (о чем я упомянул в статье 1982 г.), нигде и никогда не употреблял в своих работах термина "власть-собственность", о чем хорошо известно Алаеву. Во-вторых, ясно, что по этой причине Гуревич не имел возможности "подобным образом", т.е. используя будто бы изобретенный им термин, "определить" что-либо. Понятие и термин "власть-собственность" введены в научный оборот и детально разработаны именно автором настоящей статьи [Васильев, 1982]. Наконец, в-третьих, ни в этой статье, ни в других моих работах, где часто употребляется термин "власть-собственность" [Васильев, 1995], никогда ничего не говорилось о "восточной системе эксплуатации". Вообще понятие "власть-собственность" не имеет прямой связи с марксистским представлением об "эксплуатации трудящихся"; оно много глубже и серьезнее, нежели это представляется Алаеву, который оперирует им довольно легкомысленно и часто невпопад.

⁴ Термин был введен в научный оборот К. Поланьи, а затем использовался и другими антропологами, в частности М. Фридом (см. ([Polanyi, 1968; Trade... 1957, p. 253; Fried, 1967, p. 109 - 184]).

либо иное протогосударство или раннее государство к кризису и гибели. Тогда его место занимало другое государственное образование или же вместо одного государства появлялось несколько более мелких. Эти небольшие государства могли сосуществовать параллельно, но могли и попасть в зависимость от наиболее сильного правителя. Как только это происходило, все снова как бы вставало на свои места. Сильный властитель оказывался главой укрепившегося государства с непременно присущими ему институтами власти-собственности и централизованной редиистрибуции, а более слабые, фактически его вассалы, оказывались вынужденными признать его реальную власть и резко сократить те пределы вольницы, которыми они ранее пользовались. Они вновь занимали определенные - достаточно высокие - места в единой системе аппарата власти и оказывались тем самым *причастными* как к власти-собственности, так и к централизованной редиистрибуции.

В итоге классическая восточная структура восстанавливалась. Более того, она обретала стимул к укреплению, если только какие-либо внешние факторы этому снова не препятствовали. Именно вследствие подобного рода естественной трансформации отношения феодального типа, готовые возникнуть и окрепнуть, развития не получали. А потенциальные феодалы-вассалы трансформировались в руководителей подчиненных правителю провинций либо губерний, причем руководителей не всегда наследственных, но, напротив, нередко сменяемых.

Феодализм в этой трактовке воспринимается и функционирует только тогда, когда централизованная власть и устойчивый аппарат администрации длительное время *почему-либо отсутствуют либо находятся в зачаточном состоянии*. Феодализм в этих случаях является альтернативой классической восточной структуры, основанной на власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Более того, есть весомые основания считать его просто *некоей модификацией ослабленного института редиистрибуции*. Обратим теперь самое серьезное внимание именно на это.

Ведь по сути своей институт редиистрибуции, как он проявил себя с глубокой древности, - элементарное перераспределение владений либо доходов между властной элитой в строгом соответствии с местом, занимаемым каждым из представителей элиты в административной системе. При нормально функционирующем сильном централизованном государственном образовании на Востоке редиистрибуция осуществлялась именно в виде распределения должностей в аппарате администрации. Но в тех случаях, когда государство не имело эффективного аппарата управления, она могла и даже должна была происходить иначе. Именно в таких довольно редких случаях правители, не имея возможности создать эффективную администрацию и, соответственно, централизованную редиистрибуцию, вынуждены были добровольно раздавать своим приближенным *уделы*. Это и вело к тому, что привычно именуется феодализмом.

Снова и снова очень важно обратить внимание на то, что уже было точно зафиксировано: феодализм - достаточно редкая замена слабого аппарата администрации и как следствие - неэффективного либо практически вовсе почти отсутствующего института редиистрибуции. Ни при каких других обстоятельствах феодализм как феномен не возникал и просто не мог появиться. В обществах, где вовремя сложилась и сохранялась более или менее развитая система чиновной бюрократии, феодализма не бывало и не могло быть. Более того, есть все основания прийти к выводу, что отношения феодального типа, как в их наиболее полном и совершенном виде, так и, *особенно*, в урезанной форме, были свойственны *лишь слаборазвитым либо почему-либо отстававшим в развитии обществам со структурой восточного типа или в чем-то сходной с последней*, как то случалось в некоторых сравнительно поздних европейских государствах.

Особенности такой структуры сводятся к тому, что в слаборазвитых обществах *именно этого типа* (античные полисы тоже не были очень развитыми с точки зрения государственности, но они были устроены принципиально иначе) не было достаточно развитого аппарата администрации и, соответственно, сколько-нибудь централизованной, упорядоченной редиистрибуции. Именно потому правители вынуждены практиковать раздачу частей государства в управление родственникам и приближенным в качестве

полунезависимых от центра уделов, то есть создавать феодальные отношения. Так было уже в эпоху древности на Востоке, наиболее наглядным примером чего является чжоуский Китай. Но как же тогда относиться к западноевропейскому феодализму?

Ответить на этот вопрос не слишком сложно. Облик и сущностный тип ранних варварских протогосударственных образований, которые в обилии появились на политической карте Западной Европы после крушения Рима, генетически родственны Востоку. Ведь все пришедшие в Европу с Востока народы были полукочевыми этническими общностями, едва достигшими уровня племенных протогосударств. Они существовали в условиях политической децентрализации, причем в очень ранней модификации классической восточной структуры. Однако при этом нет сомнений, что западноевропейские варварские протогосударства уже с первых шагов все же заметно отличались от государственных структур традиционного Востока, как централизованных, так и тех, которые - наподобие чжоуского Китая - были децентрализованными и потому приняли феодальный облик. В чем же здесь дело?

Специфика западноевропейского феодализма

Процесс феодализации в системе социально-политических отношений складывавшихся заново государств в условиях энергичного влияния на него сохранившихся в Европе элементов античной структуры сыграл решающую роль в изменении изначально восточной структуры этих государств с еще слабо развитыми институтами власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Разумеется, эти институты достаточно долго оставались в молодых европейских государствах. Формально институт *оммажа*, то есть инвеституры, торжественного акта, которым король давал право наследнику владеть уделом отца, сохранялся несколько веков (вообще обряды в принципе живучи и часто переживают свое время), но тенденция к усилению частной собственности все время давала о себе знать. Античные институты (включая традиции личной свободы граждан и рыночно-частнособственнических связей, не зависящих от давления властей) с особой силой влияли на городское население.

Стоит добавить, что в формировавшихся европейских государствах, по меньшей мере частично усвоивших наследие античности и христианизированных усилиями римских миссионеров, складывался тип феодализма, несколько отличный от других стран, в первую очередь от чжоуского Китая. Он приобретал культурные черты, сближавшие его со все более заметными и игравшими все большую роль элементами возрождавшейся античности. В частности, это находило свое выражение в увеличении роли рыцарской куртуазности, тесно связанной с культом Прекрасной Дамы, которой рыцари посвящали свои подвиги.

Конечно, все это происходило лишь со временем. Сегодня специалисты чаще всего называют XII в. стартовым для развитого и обретшего свои изысканные черты европейского феодализма. Но для нас в конечном счете важно не это. Гораздо существеннее понять, был ли европейский феодализм по своему облику просто несколько более изысканным и имевшим некие специфические признаки, которые чуть отличают его от универсальной нормы, будто бы характерной для всех стран мира в Средние века (это позиция марксистов с их формациями)? Или напротив, можно вести речь о феодализме как феномене, изредка присущем преимущественно неевропейскому миру, тогда как западноевропейский феодализм - нечто из ряда вон выходящее, результат неповторимых случайностей во всемирно-историческом процессе?

Стоит более обстоятельно разяснить суть проблемы. Ведь нет никаких сомнений в том, что важнейший для истории процесс - возникновение и бурное развитие феодальных институтов в социально-политической истории средневековой Западной Европы - был не только результатом Великого переселения варварских народов с привычными для Востока структурными основами. Не в меньшей степени он был следствием упадка системы централизованной администрации в самом Риме и как итог - крушения Западной Римской империи. Ведь именно в результате этого процесса на территории, насе-

ленной в очень большой степени римскими колонистами, привыкшими к античной структуре, появилось великое множество полупервобытных варварских королевств. Эти королевства не имели и не могли иметь собственной хоть сколько-нибудь развитой и тем более устоявшейся административной традиции. В еще меньшей степени они могли по мере их политического оформления заимствовать такого рода основу от более развитых государств Востока, поскольку таковых рядом просто не было. А усвоение наследия античности, чуждого восточной традиции, требовало немалого времени.

Неудивительно поэтому, что структурное оформление упомянутых протогосударственных образований с их слабым аппаратом администрации пошло по феодально-удельному пути, естественному в редких, уникальных для примитивных восточных структур условиях. Типичная для этого пути феодальная раздробленность была для раннеевропейских средневековых королевств *единственно возможной* формой их существования. Это немаловажное обстоятельство сближает западноевропейский феодализм с восточным, в частности чжоуским. Однако влияние античных традиций, о которых шла речь выше, отличает его от всех остальных. В результате обычно создается впечатление, что спецификой именно феодализма (изученного, стоит повторить, медиевистами как раз на примере европейского Средневековья) было возникновение буржуазно-демократических структур, обеспечивших бурное развитие Запада после эпохи Возрождения. Но так ли это? Феодализм ли способствовал ускорению темпов эволюции на постренессансном Западе или причиной этого бурного взлета было нечто другое, в частности возрождение античных рыночно-частнособственнических и демократическо-правовых гражданских традиций? Это *ключевая проблема* всей темы о феномене феодализма. Собственно, именно к ней прежде всего сводится сущность того нового взгляда на феодализм, который предлагается читателю. Поэтому на связанных с этим проблемах необходимо остановиться специально.

Феодализм на Западе и на Востоке

Обратимся сначала к проблеме так называемого "восточного феодализма"⁵. Этот термин специально взят в кавычки, ибо такого рода искусственно созданное сочетание слов оказалось необходимым лишь для тех сторонников марксистской теории формаций, кто еще не в состоянии мыслить об историческом процессе в иных категориях. Существенно обратить внимание на то, что при помощи этого термина сторонники теории формаций описывают только и исключительно *средневековый* мир Востока, отличая его тем самым от современного ему феодализма Западной Европы.

Почему был принят такой термин, что конкретно при этом имелось и имеется в виду? Дело в том, что ни одна страна неевропейского мира не пережила эпохи, подобной западноевропейскому Средневековью. Но коль скоро так, то и признаки феодализма как некоей формации, которыми историки в состоянии оперировать, должны быть иными. Какими именно - трудно сказать, ибо сами специалисты, использующие термин "восточный феодализм", внятно о них не говорят. Это очень важно принять во внимание, равно как и то, что Восток не знал ничего похожего на европейское Средневековье. Главной задачей этого пустого и ни о чем не говорящего термина является только одно: показать, что весь незападноевропейский мир в своем развитии в период Средних веков вовсе не был чужд феодализму как социально-экономическому феномену. На этом стоит теория формаций.

Однако все те сравнительно редкие случаи существования феодализма, о которых история может дать хоть сколько-нибудь весомые свидетельства, связаны с Востоком и являются порождением восточных структур. Античность феодализма не породила и не

⁵ Понятие "восточный феодализм" наиболее часто используется (преимущественно уже упомянутым Алаевым) в шеститомнике "История Востока", для которого характерен четкий акцент на существование на Востоке особого "формационного региона" (см. [История... 1995, с. 7 и др.]).

могла этого сделать, ибо для нее всегда была характерна иная политическая структура, пусть хотя бы в масштабе небольшого полиса. Эта же структура сохранилась и при централизации власти в Римской империи. Наличие таких институтов, как гражданство, свобода, демократия, открытый и патронированный государством рынок, ничем не ограниченная частная собственность и многое другое начисто исключали систему уделов, вассально-сеньориальных связей, рыцарского сословия, аристократических междоусобиц и многих иных признаков, свойственных именно феодализму. Это значит, что феодализм не был и не мог быть порождением античности (колонат, о котором в этой связи любят говорить, не имеет прямого отношения к подавляющему большинству тех признаков, коими характеризуется феодализм).

Феодализм всегда был и в принципе мог быть лишь порождением классической восточной структуры. И здесь перед специалистами снова встает вопрос о "восточном феодализме". В самом деле, если феномен феодализма восточного происхождения, почему бы не использовать, пусть в совсем ином смысле, такой подходящий термин?! Но если так, то как быть со Средневековьем, которое на Востоке, особенно в Китае, не имело никакого отношения к проявлениям феодализма. Феодализм на Востоке хронологически мог порой совпадать с периодом Средних веков. Но это бывало лишь в *очень редких случаях* (Киевская Русь, Япония), да и в этих случаях он был - в отличие от древнекитайского чжоуского - очень мало похож на средневековый западноевропейский феодализм.

Это и неудивительно. Феодализм появлялся и исчезал в зависимости от наличия либо отсутствия централизованной администрации и поэтому, естественно, хронологически не совпадал и просто не мог совпадать с эпохой европейского Средневековья. Вообще-то одного этого вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение все рассуждения о "восточном феодализме" как о некоей присущей именно Средневековью и принципиально отличной от древности и более поздних эпох системе отношений, характеризующих соответствующие общества Востока. Но дело не только в этом. Реальная структура всех традиционных обществ Востока *принципиально никогда и нигде не изменялась*. Эта структура всегда и везде была связана с властью-собственностью и все той же централизованной (пусть в рамках даже небольших территориальных образований) редистрибуцией. А существовали ли при этом кое-где и кое-когда некоторые признаки социально-политической системы типа феодальной - вопрос с точки зрения исторического процесса *вторичный*. Более того, это вопрос подчас просто терминологии, но не существа дела.

Пусть чжоуское общество, вначале едва ли не стопроцентно сходное по всем основным социальным и политическим критериям с теми признаками, которые составляли суть западноевропейского феодализма, а потом подвергшееся дефеодализации, называют именно феодальным. Это не только вполне возможно, но и реально оправдано. Однако терминология не должна никого вводить в заблуждение. Чжоуское общество не принадлежит к числу средневековых и не имеет никакого отношения к буржуазной демократии, которая в Западной Европе пришла на смену Средневековью. Не феодализму, а именно Средневековью. Поэтому считать древнекитайский феодализм каким-либо принципиально обособленным этапом в ходе исторического процесса (имеется в виду марксистская схема формаций) нет оснований.

Пусть Киевская Русь на первых порах была близкой к той же системе признаков, после чего в России начался процесс очень замедленной дефеодализации и становления бюрократической империи (существование крепостного рабства не имеет прямого отношения к системе признаков феодализма). Если этот процесс хронологически частично совпал с западноевропейским Средневековьем, это еще никак не означает, что Средние века в нашей стране как исторический этап следует считать "формацией", предшествовавшей буржуазной демократии.

Здесь мы вплотную подходим к тому, что в марксизме долгие десятилетия считалось основным критерием в оценке исторического процесса. В приводившихся выше и соответствовавших авторской концепции рассуждениях о феодализме пока еще не была за-

тронута проблема экономики и тем более социально-экономических отношений, на которых обычно зиждилась вся марксистско-ленинская схема формаций. Разумеется, это не случайность. Все дело именно в том, что феодализм и рабовладение как системы социальных и политических отношений не имеют значимого отношения к экономике (хотя, разумеется, отнюдь не безразличны к ней). Попытаемся разобраться в этом серьезном вопросе.

Феодализм и экономика

Экономика европейского Средневековья в эпоху ее становления была близкой к полупервобытному хозяйству небольших общин, причем эту общественную структуру следует считать неразвитой модификацией традиционной восточной структуры, основанной на институтах власти-собственности и редиистрибуции. Степень централизации редиистрибуции была вначале небольшой, что характерно именно для раннего западноевропейского Средневековья. Нельзя не принять во внимание, что распространенные по всей Европе черты позднеимперского колониата также придавали западноевропейской модификации традиционной восточной структуры некую специфику. С весьма раннего времени в средневековой Западной Европе обособилась и городская структура, которая принципиально отличалась от той, что была характерна для восточных городов.

На Востоке города полностью вписывались в структуру, основанную на власти-собственности и централизованной редиистрибуции; там имела абсолютную власть чиновная администрация, где господствовал произвол чиновника в той степени, которую могли вынести бесправные горожане - как бедные, так и богатые частные собственники. В западноевропейских городах, где жило преимущественно римское население, все было иначе. Там сохранялись нормы, свойственные античности. В любом случае это не была экономика, специфическая именно для феодализма. Все дело в том, что экономика и экономические связи в истории человечества бывают лишь *двух* основных типов.

Исторически первый из них, наиболее примитивный и в чем-то восходящий к первобытности, - это веками складывавшаяся и имевшая в ряде случаев некоторые специфические особенности структура, которая при всем том в целом являла собой единый общий стандарт. Речь все о тех же институтах власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Характерным для этой структуры везде и всегда были отсутствие свобод, прав и гарантий частных собственников и, как правило, не зависимость от власти рынка. Такой стандарт отношений характерен для всей истории традиционного Востока. Он кое-где, по меньшей мере частично, дожил до наших дней. Другой тип - античная структура, возрожденная после эпохи Ренессанса в предбуржуазной Европе и ныне почти господствующая в мире. Это рыночно-частнособственнические отношения, сопровождаемые системой свобод, прав и гарантий граждан, которые к тому же, пусть не всегда, имеют право выбирать своих правителей.

Бывают, хотя и редко, случаи существования обществ, знакомых с обоими стандартами и характеризующихся попытками преодоления одного из стандартов другим. Так обстояло дело на эллинистическом Востоке после завоеваний Александра Македонского. Нечто похожее было характерным для имперской России и для Японии после революции Мэйдзи. В еще большей степени сказанное относится к трансформации Востока в постколониальное время, либо к России после крушения СССР. Каждый из этих процессов заслуживает особого внимания. Но главное и общее для всех них в том, что взаимодействие всегда и везде оказывалось очень сложным. Из всех только что упомянутых случаев наиболее быстро, безболезненно и удачно процесс прошел в Японии. Много сложнее, и часто, к сожалению, без ощутимых позитивных результатов протекал он в других странах. И только тот путь, который прошли западноевропейские средневековые государства, оказался удачным.

Почему? В чем принципиальная разница? В чем причины неудач либо полуудач (временных и не слишком обнадеживающих успехов, как то было в случае с эллинизмом) в одних случаях и успеха в других? Нет никаких сомнений в том, что корень их в трудно-

сти преодоления одной (восточной по происхождению и принципам) структуры другой - во многом противоположной. Трудности связаны прежде всего с большой ролью административного принуждения (на Востоке) либо с отсутствием его (на Западе). Нельзя сбрасывать со счетов и социальную психологию населения. Оно многими веками было воспитано либо в духе стремления к консервативной стабильности и сервильности, либо напротив - в стремлении к свободам, демократии, строго соблюдаемым гражданским правам, индивидуальной независимости, а также в почтении к патронируемой властью и гарантированной законами частной предприимчивости, рыночной экономики.

Вот эти-то принципиальные различия и тесно связанные с ними модус поведения и нормы существования и определяли, причем обычно раз и навсегда, господство того или иного стандарта фундаментальной структуры, социально-экономических отношений, типа хозяйства и поведения хозяйствующих субъектов. А изменения в них, то есть постепенный переход от одного типа хозяйства и экономического поведения к другому, оказывались невероятно сложным делом. В случае с эллинизмом на Ближнем Востоке это проявилось наиболее наглядно: в крупных городах оказались возможными быстрые перемены, форсируемые внешним воздействием. Но так как в провинции такие перемены не произошли, это, в конечном счете, и предопределило неудачу попытки преобразовать восточную структуру по образцу античной.

В западноевропейском Средневековье ситуация была вначале аналогичной. Деревня существовала в рамках традиционного восточного стандарта, пусть ослабленного из-за полупервобытного примитивизма. Но со временем провинция оказалась под влиянием успехов античного стандарта, культивируемого в городах либо в городских республиках, прежде всего североитальянских. В этом конкретном случае (слабый восточный стандарт деревни и сильная античная структура в городах) в благоприятных условиях созданных влиянием христианства, преобразование классического восточного стандарта в западный, генетически восходящий к античности, оказалось делом вполне реальным. Возрождение (Ренессанс) стало не только феноменом, уникальным по многим своим параметрам, но и знаком, символом, сигналом того, что *восточный стандарт* в средневековой Западной Европе в значительной мере преодолен.

Из сказанного следует вывод, что феодализм как социально-политический феномен был присущ нескольким различным обществам Востока и Запада, причем он встречался и в древности, и в Средние века. Но только один раз - в средневековой Западной Европе - в силу различных обстоятельств, включая и экономические институты, он обрел классическую форму, отличающуюся наличием всех основных признаков. В остальных немногих случаях чаще фиксируются иные модификации, отличающиеся от "классического" феодализма отсутствием ряда важных признаков. Но в любом случае феодализм как система - порождение традиционной восточной децентрализованной структуры со слабой административной властью. Это, пожалуй, самое главное, что может неопровержимо свидетельствовать о наличии либо отсутствии феодализма в том или ином виде в данном государстве, независимо от того, когда и где, в древности или в Средние века, на Востоке или Западе оно существовало. В свете сказанного становится абсолютно ясным, почему можно и нужно говорить о существовании условий для появления феодализма везде, причем едва ли не прежде всего на Востоке, но нельзя, просто безосновательно говорить о некоем "восточном феодализме".

Для тех, кому это все еще не ясно, стоит добавить, что безоговорочное использование столь привычного, удобного и вроде бы всем понятного термина "феодализм" применительно к обозначению всех средневековых обществ ведет к непониманию, к извращению сути исторического процесса. Все средневековые - только и именно средневековые - общества Запада и Востока оказываются в этом контексте почти одинаково "феодальными". Феодализм в древнем мире, сколь бы полно он ни был представлен, как то было в Чжоу, демонстративно игнорируется, тогда как принципиальная разница между Востоком и Западом искусственно стирается. К сожалению, это мало у кого вызывает неприятие прежде всего потому, что вошло в норму, стало традицией. И быть может, не стоило бы с ней спорить, если бы не одно важное обстоятельство. Оно заклю-

чается в том, что вслед за некоей условностью в терминологии - и в зависимости от нее - идет оценка *сущности* явления. Феодалная формация в системе подобного мировосприятия буквально силой навязывается Востоку.

О дефеодализации

Последнее, на чем необходимо еще раз специально остановиться в связи с феноменом феодализма, это проблема его исчезновения. Сложилось так, что, раз возникнув и окрасив общество в свои привычные цвета, придав ему определенный внешний облик, феодализм как система социально-политических связей в средневековой Западной Европе не спешил уступать свое место даже тогда, когда становилось совершенно очевидным, что условий для его существования больше нет. Практически сказанное означает, что в обществе, где еще недавно задавали тон междоусобицы наследственной знати и велись рыцарские войны, укреплялась власть центра, сильного правителя и его становящейся все более эффективной администрации. Или же один из могущественных вассалов короля подчинял себе остальных и становился новым правителем, опиравшимся на могущественный аппарат администрации. В том и другом случае феодализм как система вольностей наследственной знати начинал постепенно отходить на задний план. Собственно, это и следует считать началом процесса дефеодализации.

Дефеодализация (термин, не принятый марксизмом и потому почти не встречающийся в отечественной историографии XX в.) очищает место для той структуры, которая существовала прежде, либо вышла победителем из соперничества структур, восточной и западной. К чему на практике приводил в прошлом и ведет в настоящее время в разных странах мира этот очень важный процесс?

В средневековой Западной Европе он шел через усиление государства. Обычно такие государства именуют абсолютистскими. Но этот термин пустой и бессодержательный, ибо ничего не говорит о характере общества, идущего на смену феодальному. А облик нового типа государств бывал весьма разным, от конституционных монархий до весьма жестких авторитарных режимов. Практика показывает, что процесс дефеодализации был достаточно сложным и зависел от многих конкретных обстоятельств. В некоторых европейских государствах даже в условиях устоявшейся системы администрации и возможности упорядоченной редистрибуции этот процесс по тем либо иным условиям мог искусственно задерживаться, как то было в Испании XVI в. или в даже в более позднее время во Франции, что привело ее к кровавой революции, а также в Германии ("Священной Римской империи"), позже в Австрии, Пруссии и особенно в России. В зависимости от упомянутых уже обстоятельств на смену феодальным социально-политическим системам шли как такие, которые стремились взять за основу традиции, восходящие к принципам античных свобод, прав, республиканских и демократических форм правления, так и совершенно другие.

Этому не следует удивляться. В разных районах Европы в зависимости от различного стечения обстоятельств возникали различные системы политической власти и социального строя, которые к тому же далеко не всегда лучшим образом реализовывались. Поэтому одни государства коренным образом меняли свой привычный облик, превращаясь в конституционные республики, тогда как другие изменялись менее радикальным образом, обретая форму конституционных монархий, а третьи оказывались жесткими авторитарными странами, близкими к традиционным восточным деспотиям. Но в любом случае в Европе, даже в восточной ее части, испытывавшей на себе сильное давление традиционных восточных стандартов, генеральным путем, включая и Россию, был путь дефеодализации, пусть даже крайне медленной, и стремление к стандартам буржуазного типа, по сути своей близким к античности. Это же относится и к тем странам, которые, наподобие США, Канады, Австралии и некоторых других, были заселены в основном выходцами из Европы.

Вне Средневековья и Западной Европы происходил совершенно иной процесс. Там в редких случаях, когда общества обретали феодальный облик, процесс дефео-

дализации - как то лучше всего видно на примере чжоуского Китая - сводился к укреплению центральной власти и параллельно к уничтожению прав и привилегий феодально-удельной знати и, соответственно, связанных с феодализмом норм жизни. Стоит при этом заметить, что и в европейском, и в различных восточных вариантах дефеодализации процесс, как правило, был крайне затруднен феодальными "пережитками", как их любили именовать отечественные специалисты.

Пожалуй, наиболее наглядным в этом смысле примером можно считать нашу страну. В ней традиционная восточная структура, окрашенная в феодальные цвета, пережила и Ивана Грозного, стремившегося изжить феодализм за счет уничтожения боярства и укрепления власти центра, и даже Петра I, который уже на рубеже XVII-XVIII вв. сумел создать в России крепкую империю с сильной централизованной властью и эффективным аппаратом администрации. Стоит добавить к сказанному, что близость России к Европе и откровенный акцент Петра на заимствование передовых западноевропейских стандартов способствовали специфическому *промежуточному характеру* дефеодализации в России. Только с падением крепостного права этот процесс в России был окончательно завершен, но, к сожалению, он не привел к результатам, характерным для стран Запада. Как то ни покажется странным, но ближе к Западу в XX в. оказалась Япония, где дефеодализация и восприятие западных стандартов прошли исключительно быстро.

Завершая тему дефеодализации, важно заметить, что этот процесс следует оценить - особенно для Востока и промежуточных обществ типа России - как очищение общества от помех, созданных в децентрализованном государстве ломающей его изнутри удельной системой. И не приходится удивляться тому, что уже после окончания Средних веков, когда эпоха Возрождения ознаменовала победоносное шествие новой предбуржуазной структуры - наследницы некогда поверженной античности, феодальные "пережитки" еще существовали. Об этом хорошо известно из европейской истории XVI-XVIII вв., столь ярко описанной в художественной литературе, будь то вполне правдоподобные приключения трех мушкетеров или едкая сатира на талантливо выдуманного последнего рыцаря Европы Дон Кихота. По сути, окончательно покончили с феодализмом и завершили процесс дефеодализации только европейские революции. А там, где их в силу сложившихся обстоятельств очень долго не было, процесс дефеодализации затянулся, как в России, до конца XIX в.

* * *

Что же такое феодализм? Категорически отрицая его связь с чередованием марксистских социально-экономических формаций, будто бы сменяющих друг друга в поступательном движении к коммунизму, следует заметить также, что он не имеет никакого отношения и к фундаментальной структуре того либо иного общества. Феодальная система как таковая является лишь вынужденной формой политического строя, социальных и экономических отношений, характерных для слабого государства (на Западе или на Востоке) в уникальных обстоятельствах. И как только в процессе естественной эволюции государство обретает эффективную администрацию, раздробленность и соперничество знати постепенно изживают себя, а взамен этого набирает силу институционализируемая власть, что влечет за собой постепенную дефеодализацию.

В этой связи стоило бы заметить: то, что принято именовать абсолютизмом, *не имеет никакого отношения* ни к феодализму, ни ко всем сложностям процесса дефеодализации. Последний развивался медленно и длительно, по мере превращения децентрализованных и слабо структурированных в административном смысле государств в пережитки прошлого. Время, которое занимал этот процесс, нередко мучительный для страны (особенно такой, как Россия), обычно принято именовать "переходным". На смену феодальным связям шли рыночно-частнособственнические отношения, гражданские права и свободы. Все это, во всяком случае Западом и даже восточноевропейскими странами, было в конечном счете заимствовано от античности и возрождено в эпоху Ре-

нессанса, включая необходимые гарантии и привилегии. Кроме того, хотя феодализм как система социально-политических связей был "изобретен" именно на Востоке, он и там исчезал при изменении обстоятельств, порождая империи либо иные крупные и сильные государственные структуры. Но никакого "восточного феодализма" (как варианта марксистской "феодальной формации", характерного для хронологического периода Средневековья) не существовало. Это словосочетание - праздная выдумка тех, кто внутренне тоскует по образу исторического процесса, "упорядоченному" марксизмом⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Л. С. Движущие силы и динамика исторического процесса // *Общественные науки и современность*. 2006. N 6.

Васильев Л. С. Древний Китай. В 3 т. М., 1995 - 2006.

Васильев Л. С. История Востока. В 2 т. М., 2005.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Всемирная история. В 12 т. М., 1955 - 1965.

История Востока. В 6 т. Т. II. Восток в средние века. М., 1995.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Семенов Ю. И. Философия истории. М., 2003.

Феодализм // *Историческая энциклопедия*. В 16 т. Т. 15. М., 1974.

Feudalism in History. Princeton, 1956.

Fried M. The Evolution of Political Society. New York, 1967.

Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics // *Essays of K. Polanyi*. New York, 1968.

Trade and Market in the Early Empires. Glencoe, 1957.

⁶ Мое восприятие всемирного исторического процесса в краткой форме изложено в [Васильев, 2006].